

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ: НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ

Галина СЫРИЦА

Даугавпилский университет, Латвия

E-mail: galina.sirica@du.lv

THE AESTHETIC POTENTIAL OF THE NOMINATIVE LANGUAGE: THE NAMES OF THE MONTHS

Galina SYRITSA

Даугавпилский университет, Латвия

E-mail: galina.sirica@du.lv

ABSTRACT: The paper discusses the names of months and the peculiarities of their functioning in fiction and first of all in the poetic discourse. The aesthetic potential of the names of the months is rather high. The presence of archaic names of months allows to create oppositions at the level of modern and old names. In the poetic discourse, metonymies and metaphors with the use of names of months are often found. Metonymic transfers are based on models „the month name – the season“, „the month name – the certain event“ and others. Metaphors, built on the opposition of month names actualize nuclear implicational semes which reflect the most typical features of a month, and thus, a steady connotative background accumulates. One month is opposed to another on the basis of the semantic actualization “cold/warm”, but primarily on the basis of associative evaluation semes „better/worse“. Personification reflects the characteristic features of the month, actualizing the category of gender. This group of vocabulary is involved in occasional word formation. „“

KEYWORDS: month name, aesthetic potential, metaphor, opposition, personification.

Эстетический потенциал номинативной лексики во многом определяется как спецификой самой номинации (характером названия), так и ее семантической структурой. И в этом смысле потенциал слов с живой внутренней формой (ср., например, *снегирь, колокольчик, незабудка, боровик* и др.), а также слов, способных выступать в роли единиц вторичной номинации (ср., например, *березка, былинка, звезда, буря* – о человеке и др.) гораздо выше, по сравнению со словами немотивированными, однозначными. Описанию названий месяцев посвящены „Филологические заметки“ А. П. Чехова, которые он писал с трудом. Отвечая на вопрос редактора, почему он задержался с заметкой о летних месяцах, автор пишет: „*приехал как-то раз из Питера Алоэ и, выругав меня за мои филологические измышления, сказал, что „там“ (т. е. в Питере, у вас) удивляются, что я занялся такой скучищей и сушью, как месяцы и народные праздники...*“ (Чехов, 1985, с. 576). Определения „скучища и сушь“ о названиях русских месяцев вызваны прежде всего тем, что это номинативная лексика, которая характеризуется однозначностью, отсутствием оценочных сем в структуре значения и используется преимущественно в качестве маркеров времени. Семантика названий месяцев идентично истолковывается в толковых словарях и представлена минимальным количеством сем (ср.: „Январь – первый месяц календарного года“ (МАС, 1981, с. 783), и далее – по списку. Тематически близкие номинации, называющие времена года, обладают более широкой семантической структурой и развивают переносное значение (ср.: „Весна – время года между зимой и летом.// перен. Пора расцвета, молодости“ (МАС, 1981, с. 156), востребованное в поэтическом дискурсе с очень широким диапазоном образного осмысления – от *весна моих промчалась дней* А. Пушкина до *весна человечества* В. Маяковского. Лексемы, называющие месяцы, в меньшей степени вовлекаются в сильные позиции заглавия текста, по сравнению с номинациями, обозначающими времена года. Столь же ограничены и эстетические возможности самой системы названий: в большинстве случаев это номинации со стертой внутренней формой, восходящей к именам собственным (именам римских богов) или к номерам, обозначающим порядок следования месяца (относительно римского календаря, начинающегося с марта).

Гораздо больший эстетический потенциал заключен в древнерусских названиях месяцев, обладающих внутренней формой: январь – *просинец*; февраль – *бокогрей, сечень, снежень*; март – *березозол, зимбор, протальник*; апрель – *брезень, снегогон, цветень*; май –

травник (травень); июнь – разноцвет, червень; июль – страдник, липец; август – жнивень, зарев, серпень; сентябрь – вересень, хмурень; октябрь – листопад; ноябрь – грудень; декабрь – студень. Как отмечает В.Е.Гусев, „названия месяцев у древних славян были весьма самобытными и отражали наблюдения земледельческих племен за изменениями в окружающей их природе“ (Гусев, 2012, с. 103). Внутренняя форма древнерусских названий отражает наиболее характерные черты месяца, при этом могло быть несколько названий одного и того же месяца. Так, названия *августа* связаны с указанием на созревание жнива, пору жатвы (*жнивень*), на орудие сельскохозяйственного труда – серп (*серпень*), на сияние зарниц (*зарев*).

Образность и внутренняя поэтичность этих старых названий осознавались поэтами: в записных книжках А. Пушкина сохранилась запись этих месяцев, взятая из „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина. Автор этой работы в главе „О физическом и нравственном характере славян древних“ пишет об именах месяцев у славян, попутно обосновывая выбор того или иного названия: „Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из них дали название согласно с временными явлениями или действиями природы: Генварю – Просинец (вероятно, от синеты неба), Февралю – Сечень, Марту – Сухий, Апрелью – Березозол (думаю, от золь березовой), Маию – Травный, Июню – Изок (так называлась у Славян какая-то певчая птица), Июлю – Червен (не от красных ли плодов или ягод?), Августу – Зарев (от зари или зарницы), Сентябрю – Рюен (или Ревун, как толкуют: от рева зверей), Октябрью – Листопад, Ноябрью – Груден (от груд снега или мерзлой грязи?), Декабрю – Студеный“ (Карамзин). В упомянутых выше „Филологических заметках“ А. П. Чехов, обыгрывая в шуточной форме внутреннюю форму месяца *март*, ссылается на Н. М. Карамзина: *У наших предков март назывался Березозолом. Карамзин думал, что наши предки жгли в марте березовый уголь, откуда, по его мнению, и произошло прозвище Березозол. Люди же, которых много секли, знают, что это слово происходит от слова „береза“ и „зла“, ибо никогда береза не работает так зло и энергично, как перед экзаменами* (Чехов, 1985, с. 190). В этимологическом словаре М. Фасмера лексема „березозол“ устанавливает связь с лексемами „береза“ и „зеленый“ (Фасмер 1986, с. 154).

Описание названий месяцев А. П. Чеховым примечательно тем, что он пытается исчерпать эстетический потенциал лексем, привлекая к описанию компоненты смысла, определяемые внутренней формой слова (живой, стертой или ложной), народную этимологию, а также выявляя обычаи и наиболее значимые события, связанные с этим месяцем. Отбор событий достаточно произволен, в том числе и с точки зрения их значимости, а их описание чаще всего дается в шуточной форме. Писатель обыгрывает ложную внутреннюю форму месяца *май* (*кто женится в мае, тот будет весь век маяться*) и одновременно создает авторский ряд паронимически соотнесенных лексем, в шуточной форме обыгрывающий название месяца: *В мае рождаются майские жуки, майоры и поэты à la Майков* (Чехов, 1985, с. 192). Описание летних месяцев также дается в шуточной форме, эксплицируется ряд ассоциативных сем импликационала – „быстротечность летних месяцев“, „переменчивость погоды“ и др.: *В мае и в августе русские люди ходят в шубах и щелкают зубами; следовательно, русское лето состоит только из июня и июля. (...) эти два месяца проходят так быстро, что пора уже считать их за один месяц, тем более, что оба они начинаются с ию (...)* (Чехов, 1985, с. 192); *Август плодovit во всех отношениях. (...) Листья желтеют, трава ржавеет (...), печенки, ревматизмы и злые жены разыгрываются, как неподмазанные двери во время сквозного ветра. (...) В августе начинается так называемое „бабье лето“, когда природа — совершенная баба: то улыбается, то куксит* (Чехов, 1985, с. 193–194) и др.

Особое место в авторской семантизации принадлежит именам собственным, связанным с названием месяца. Это могут быть как имена исторических лиц, мифологических персонажей, так и имена, использованные в песенных текстах: *называется августом в честь римского императора Августа, основавшего, как известно, августинский орден и сочинившего романс „Ах, мейн либер Августин“* (Чехов, 1985, с. 194). Отметим сразу, что до „осенних месяцев“ А. П. Чехов так и не добрался, видимо, потому, что названия этих месяцев еще в большей степени прозаичны. Характерно в этом смысле высказывание самого автора в письме к издателю: *„О сентябре вышло к следующей неделе, если же у меня ничего не выйдет, то пришлю Сентябрь и Октябрь вместе, ибо они мало отличаются друг от друга – сертет, осто...“* (Чехов, 1985, с. 577).

Поэтическая внутренняя форма старых названий месяцев часто обыгрывается в художественном дискурсе: *В феврале – недаром он зовется бокогрей – после того, как зима с весной встретилась на сретение, в хорошие ясные дни солнце греет так сильно, что с крыши начинает капать* (А. Н. Энгельгардт „Письма из деревни“); *Февраль-бокогрей. Воздух тих, светел и холоден, снег хрустит, а с обреза крыши, обращенного к солнцу, редко, прозрачно капает. Зарождаются и растут сосульки* (В.А.Солоухин „Смех за левым плечом“). Обыгранной в художественном дискурсе является не только поэтичность, но и архаичность номинаций. Так, в романе Ю.Тынянова „Пушкин“ члены общества „Арзамас“ пародируют членов общества „Беседы любителей русского слова“, ратующих за старину: *Они важничали и корчили из себя старых вельмож, совсем как в "Бесede". (...) Завелся, как всегда, секретарь - не кто иной, как сам Жуковский. Протоколы писались итилем дьячков. Самые месяцы были переименованы и пересочинены по-славянски. Календарь изменился. Январь был теперь у них Просинец, февраль - Лютый и Сечень, март - Вресень, апрель – Березозол.*

Названия месяцев достаточно активно вовлекаются в поэтический дискурс, при этом „приращения смысла“ минимальны в тех контекстах, где название месяца обозначает время события: *Нет, уж лучше я расскажу Вам сказку: /Был тогда – январь* (М.Цветаева Из цикла „Дон-Жуан“), *Вы шли толпою, врозь и парами,/ Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня/ Шестое августа по-старому,/ Преображение Господне* (Б.Пастернак „Август“), *Было это в ноябре, /Часу в четвертом./Смеркалось* (Б. Пастернак „Подросток-реалист...“), *Дни ноябрьские кратки,/ Долги ночи ноября* (М.Цветаева „Его дочке“). Интенционал рассматриваемой лексики, отраженный в структуре словарного значения, как уже отмечалось, включает лишь темпоральные семы.

Гораздо чаще в поэтическом дискурсе востребованными предстают семы импликационала, причем часто актуализируются ассоциативно-оценочные семы: *я с сердцем ни разу до мая не дожили, а в прожитой жизни лишь сотый апрель есть* (В. Маяковский „Облако в штанах“); *Еще ноябрь, а благодать /уж сыплется, уж смотрит с неба. /Иду и хоронюсь от света,/чтоб тенью снег не утруждать* (Б. Ахмадулина. „Пейзаж“). Контекстуальное значение названий месяцев подобно семантике имен собственных, если понимать под этим свойства и качества денотата, который они обозначают. И в этом смысле набор этих сем предстает практически неисчерпаемым, т.к. неисчислимы признаки, характеризующие тот или иной месяц. Это могут быть признаки, воспроизводимые большинством носителей данного языка, а также признаки, определяющие индивидуальное мировидение. Эти семы отражают образное представление, ассоциируемое прежде всего с временем года, к которому относится тот или иной месяц. Ядерные семы импликационала названий месяцев совпадают с интенционалом номинаций, обозначающих время года. Это находит отражение в ассоциативном словаре: *декабрь – холодный, май – теплый, июль – жаркий* и т.д.

Одна из частотных актуализаций – „время года в его предельном выражении“, месяц выступает как знак пика холода или жары. Определения указывают на высшую степень проявления этого качества. Так, лексема *декабрь* актуализирует сему „холод“: *Идет тепло на смену декабрю. /И пусть года терзаюсь в пытке страстной, – /Мне бог – закон, и боль – боготворю* (К. Бальмонт „Клянусь опять найти дорогу к раю...“). В сравнениях холод выступает как „эталонное“ качество этого месяца: *За ночь выпал снег глубокий, / И мороз как в декабре; /Уж впрягли в салазки Жучку/ Ребятишки на дворе* (А. Плещеев „Из школы детки воротились...“). Востребованы и другие семы импликационала: *декабрь – „месяц морозных узоров на стекле“: Декабря непонятым узором /Расписались на мерзлом окне... (М. Светлов „Утром“); „самый темный месяц года“: Это — дебри зимы. / С декабря воцаряются лампы. /Порт–Артур уже сдан, / Но идут в океан крейсера* (Б. Пастернак „Детство“); *Каждый год я болен в декабре./ Не умею я без солнца жить./Я устал бессонно ворожить,/И склоняюсь к смерти в декабре* (Ф. Сологуб. „Каждый год я болен в декабре...“).

Июль выступает как пик лета, самая жаркая пора (ср. метафору А.Твардовского: *Июль – макушка лета*). Эта семантика эксплицирована в целом ряде контекстов: *В пути я часто ведал шквалы,/ Знал зимний ветер одичалый, /Знал, зноем дышащий, июль... (В. Брюсов „Пора! Склоняю взор усталый...“); Опять Июль! Под солнцем вянут травы... (Г. Иванов „Опять Июль! Под солнцем вянут травы...“); Июль в начале. Солнце жжет, /Пустые дали золотя. /Я*

вижу вас опять, знакомые места/ Веселых праздников, однообразных буден (Г. Иванов „Отрывок“); *В сто сорок солнц закат пылал, /в июль катилось лето, /была жара, жара плыла —/ на даче было это.* (В. Маяковский „Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче“). В ряде контекстов актуализованы семы „дачный период, время отпуска“: *Уж наступил июль. Москва давно пуста, /И сам Кузнецкий Мост притих и стал безлюден* (С. Соловьев „Я вижу вас опять, знакомые места...“). Эта же сема актуализована в лексеме „май“: – *Уж май. Весь Петербург собирается на дачу* (В. Бенедиктов „Плач остающегося в городе...“). Авторская номинация *май-волшебник* направлена на преобразующее, творческое начало месяца *май*: *О май-волшебник, как глаза ты застишь/ Слезою радостной, как летом тень!/ Как хорошо: светло, все окна настезь,/Под ними темная еще сирень!* (М. Кузмин „Царевич Димитрий“).

Рассматриваемая лексика характеризуется наличием устойчивых метонимических моделей. Метонимический перенос осуществляется по модели: „название месяца – исторически значимое событие этого месяца“. В прошлом веке метонимическая модель *месяц – название значимой даты* активно эксплуатировалась в поэтическом дискурсе: *Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам* (С. Есенин „Русь советская“). Любопытно, что В.Маяковский в шуточной форме обыгрывает идеологическое осмысление месяца *май*: *Не говорилось пошлостей/ больше,/ чем о мае./ Существительные:/ Мечты./ Грезы./ Народы./ Пламя./Цветы./ Розы./Свободы./Знамя./ Образы:/ Майскою/ - Сказкою./ Прилагательные:/ Красное./ Ясное./ Вешний./ Нездешний./ Безбрежный./ Мятежный.*

Одним из частотных развернутых тропов с использованием названий месяцев является персонификация, которая строится на экспликации наиболее характерных черт месяца или типичных признаков времени года, к которому относится этот месяц. Идентичная грамматическая категория рода во всех названиях месяцев предопределяет актуализацию мужского начала в олицетворениях. *Злится и вьюгами сыплет Январь, /Белой короной увенчанный царь* (М. Лохвицкая „Гномы“). Метафора *январь – царь* актуализирует семы, связанные с указанием на зимний, морозный месяц: белая корона – сверкающая на морозе, блестящая. Образное осмысление января отражено в метафоре, вынесенной в название стихотворении З. Гиппиус „*Январь – алмаз*“, также актуализирующей семы „сверкающий, блестящий“ (ср. в тексте: *В сверкающую пору января*).

Персонификация месяца *июль* в одноименном стихотворении Б. Пастернака строится на образном осмыслении характерных черт месяца: месяц гроз, напоенный запахом трав, липы, укропа, месяц отцветших одуванчиков: *Июль с грозой, июльский воздух/ Снял комнаты у нас внаем./ Июль, таскающий в одежде/ Пух одуванчиков, лопух./ Июль, домой сквозь окна входящий, /Все громко говорящий вслух./ Степной нечесаный растрепан,/ Пропахивший липой и травой,/ Ботвой и запахом укропа,/ Июльский воздух луговой.*

Персонификация августа строится на экспликации сем, указывающих на созревание плодов, время винопития, охоты. При этом семы, связанные с возрастом, могут быть антонимичными. С одной стороны, август предстает юношей, сатиром – спутником бога вина и веселья: *Здравствуй, август, венчан хмелем,/Смуглый юноша-сатир! (...) Август милый! Отрок смуглый! /Как и мы, ты тоже пьян* (В. Брюсов „Здравствуй, август, венчан хмелем“), с другой - стариком: *Сенокосные зори прошли, /Август-дед, бородача снопом, /Подарил гармониста ружьем* (Н. Клюев. „Луговые потемки, омежки, стога...“). Персонификация августа строится также на актуализации сем „охотник“: *Железный Август в длинных сапогах / Стоял вдаль с большой тарелкой дичи/ И выстрелы гремели на лугах* (Н. Заболоцкий „Ночной сад“), „обладатель звезд“: *Так щедро август звёзды расточал./ Он так бездумно приступал к владенью* (Б. Ахмадулина „Август“); „садовник“: *Так терпеливо летом яблок спеет,/ Пока багрянцем август не махнет, – / И зрелым плод на землю упадет* (М. Кузмин „Какая белизна и кроткий сон!..“). Персонификация может строиться на выявлении наиболее характерного эпитета, связанного со временем созревания плодов: *А Август золотистощекий/ Стоит в Украине, без огня / Загаром кожи — крутобоко/ Густые яблоки красна* (В. Нарбут „Ночь“). Август – единственный месяц, позволяющий обыгрывать лежащее в основе названия имя собственное, т.к. оно предстает не в трансформированном виде (ср. трансформацию в названиях других месяцев: *январь – Янус, июнь – Юнона, март – Марс, май – Майя, июль – Юлий*). Имперское имя августа обыгрывается в стихотворении М. Цветаевой: *Яблоком своим*

имперским, /Как дитя, играешь, **август**; /Как ладонью, гладишь сердце /Именем своим имперским (М. Цветаева „Август – астры...“).

Прием персонификации активно используется в описании осенних месяцев: *И мне в окошко постукал /**Сентябрь** багряной веткой ивы, / Чтоб я готов был и встречал / Его приход неприхотливый* (С. Есенин „Пускай ты выпита другим“); *Злой **октябрь** осыпает перстни / С коричневых рук берез* (С. Есенин „Кобыльи корабли“). Представление о ноябре как старике основывается на том, что это последний месяц осени: ***Ноябрь**, зимы посол, подчас лихой старик / И очень страшный в гневе, / Но милостивый к нам, напудрил свой парик / И вас уже встречать готовится в Белеве* (В. Жуковский „Ноябрь, зимы посол, подчас лихой старик“); *Внизу толпится гольтепа / Пыхтит **ноябрь** в седой попоне* (Б. Пастернак „Трепещет даль. Ей нет препон...“); *Хотя еще октябрь, за дряблой дрожью ветел / Уже набрякли сумерки хандрою **ноября*** (Б. Пастернак „Постойте! Куда вы?...“); *В седые дали **ноября** / Уходят ветлы, как слепые* (Б. Пастернак „Зазимки“).

Особую группу составляют метафоры, в основе которых лежит сопоставление месяцев. Оппозиция строится на ядерных семмах импликациона, отражающих наиболее яркие черты месяца. Один месяц противопоставляется другому на актуализации качественных сем, связанных с характеристикой месяца, при этом первостепенную роль играют оценочные семы *лучше – хуже*. Чаще всего это месяцы разных времен года: *Наши **Август** смотрит **сентябрем** - / Нам до него какое дело!* (Н. Языков „Мы любим шумные пиры...“). В данном контексте актуализованы семы „теплый, летний месяц“ – „холодный, осенний“. В этом стихотворении слово „август“ дано с прописной буквы, создается подтекст с намеком на царя (ср. ассоциативный ряд: *август – царь, цезарь*). Выражение „смотреть сентябрем“ стало устойчивым. Оно отражено в словаре В. Даля со ссылкой на цитату из А. Пушкина: „*Но август смотрит сентябрем*. – Угрюм, мрачен, суров“ (Даль, IV, 154).

На актуализации оценочных сем строится оппозиция месяцев *октябрь – май*: *Отчего же глазам моим (Раз **октябрь**, а не **май**) Та гора была – рай?* (М. Цветаева „Поэма горы“); *октябрь – август: **Октябрь**, а солнце, что твой **август*** (Б. Пастернак „Волны“); *ноябрь – июль: С кем дружился в **ноябре** – Не забудь в **июле*** (М. Цветаева „Мать из хаты за водой...“). Ряд подобных актуализаций встречается в стихотворном цикле М. Кузмина „Осенний май“: *Но вдруг случится ветреной Фортуне / Осенний **май** нам сделать **октябрем**; / Для нас и в **августе** наступит **май!*** – / Так думал я, надеждою ласкаем. Оксюморонное сочетание *осенний май* в заглавии цикла включает взаимоисключающие семы. Сопоставление месяцев может дополняться метафорическими эпитетами. Так, эпитет *серебристый* характеризует цветенье земляники в майском лесу: *Раскрыла матовые листья / И белым цветом зацвела: / **Май** был **Апреля** серебристей, / В лесу теплом бродила мгла* (В. Нарбут „Земляника“). Названия месяцев, выступающих в роли метафор, актуализируют „эталонное“ значение месяца, его самую характерную черту. В шутовском стихотворении П. Вяземского оппозиция *май – декабрь* в метафорической форме характеризует лирическую героиню: *Молю Цереру-Киферею: / Моим будь щедрым **маем** ты, / Не **декабрем** скупым и льдистым!* (П. Вяземский „Устал! Странноприимны боги!..“)

Семантику длежащегося времени передает перифраза *двенадцать месяцев* в значении „круглый год“: *Двенадцать месяцев поют о смертном часе, / Струится в воздухе лед бледно-голубой* (О.Мандельштам „Соломинка“). Приращения смысла в этом контексте связаны с символикой числа *двенадцать*.

Особое место в системе рассматриваемых актуализаций занимают окказионализмы, образованные на основе названий месяцев. В стихотворении И. Бродского такой окказионализм вынесен в заглавие стихотворения: „Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря“: *Ниоткуда с любовью, надцатого **мартобря**, / дорогой, уважаемый, милая, но неважно / даже кто, ибо черт лица, говоря / откровенно, не вспомнить, уже не ваш, но / и ничей верный друг вас приветствует с одного / из пяти континентов, держащегося на ковбоях*. Окказионализм *мартобря*, созданный на основе контаминации названия весеннего месяца *март* и одного из осенних (или каждого из них) месяцев – *сентябрь, октябрь, ноябрь* (ср. также: *декабрь*), впервые используется в „Записках сумасшедшего“ Н. Гоголя и имеет значение „любой месяц года, любого времени года“, „всегда“. Лексема отражена в словаре В.

Даля: „*Мартобря* или *в мартобре*, говор. в память Гоголю, о небывалом и несбыточном (Даль II, 301). Обобщенную семантику названия любого дня месяца в стихотворении И. Бродского выполняет также окказионализм „надцатого“. Коннотативный фон этих окказионализм связан с указанием на неразличение времен, безразличное восприятие времени – без н е е (*но неважно/даже кто; уже не ваш, но/и ничей*).

Близкое значение имеет окказионализм А.Вознесенского в стихотворении „Осенебри“: *Стоял Январь, не то Февраль,/ какой-то чертовый Зимарь*, хотя семантика этого окказионализма определеннее: „любой зимний месяц“. Лексема *зимарь* имеет живую внутреннюю форму и находится в ряду лексем *январь, февраль*. Коннотативный фон окказионализма задан сниженными оценочными определениями: *какой-то чертовый*.

Таким образом, как показал анализ, эстетический потенциал названий месяцев достаточно высок, несмотря на то, что в системе языка это однозначные и стилистически нейтральные номинации. Он предопределен наличием синонимии, заданной современными и архаичными названиями месяцев. Архаичные названия месяцев с яркой внутренней формой позволяют обыгрывать их живую и ложную внутреннюю форму. В поэтическом дискурсе активны модели переносов наименований по сходству и смежности. Метонимические переносы базируются на моделях „название месяца – время года“, „название месяца – значимое событие“. Рассматриваемая лексика активно вовлекается в оппозиции, строящиеся на актуализации оценочных сем, связанных с указанием на „эталонное“ значение месяца. Речевые метафоры, созданные на оппозиции названий месяцев, аккумулируют устойчивый коннотативно-оценочный фон. Персонификация отражает характерные особенности месяца, при этом актуализованной является грамматическая категория рода. Эта группа лексики вовлекается в окказиональное словообразование.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андрамонова, Н. (1980)** Семантика и синтагматика имен, называющих природные явления, в русском языке. – В: Семантические категории и методы изучения. Уфа, с. 23–29. (*Andramonova, N. Semantics and syntagmatics of the nouns naming natural phenomena in the Russian language. – V: Semanticheskiye kategorii i metody izucheniya. Ufa, s. 23–29.*)
- Гусев, В. (2012)** Очерки славянской культуры. Санкт–Петербург, 248 с. (*Gusev, V. Ocherki slavyanskoj kul'tury. Sankt–Peterburg, 248 s.*)
- Даль, В. (1981)** Толковый словарь живого великорусского словаря. В 4-х томах. Т. 1–4. Москва. (*Dal', V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo slovarya. V. 4–kh tomakh. T. 1–4. Moskva.*)
- Карамзин, Н.** История государства российского. (20.02.2018) <[https://books.google.lv/books?id=1FQKRox3yhsC&pg=PA51&lpg=PA51&dq=\(Karamzin, N. Istoriya gosudarstva rossiyskogo. \(20.02.2018\) <https://books.google.lv/books?id=1FQKRox3yhsC&pg=PA51&lpg=PA51&dq>\)](https://books.google.lv/books?id=1FQKRox3yhsC&pg=PA51&lpg=PA51&dq=(Karamzin, N. Istoriya gosudarstva rossiyskogo. (20.02.2018) <https://books.google.lv/books?id=1FQKRox3yhsC&pg=PA51&lpg=PA51&dq>)>
- МАС (1981)** Словарь современного русского литературного языка. В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва. (*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 4-kh t. Pod red. A. P. Yevgen'yevoy. Moskva.*)
- Сырица, Г. (2013)** Август августейший... Поэтика названия месяца. // *Valoda – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Daugavpils, s. 471–478. (Syritsa, G. Augustus. Poetics of the names of the months. // Valoda – 2013. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Daugavpils, s. 471–478.)*
- Фасмер, М. (1986)** Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т.1. Москва. (*Fasmer, M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. T. 1. Moskva.*)
- Чехов, А. (1985)** Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения в 18 т. Т. 3. Москва. (*Chekhov, A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. V 30 t. Sochineniya v 18 t. T. 3. Moskva.*)